

Алексей Гараджа

Платон и Софрон: постановка вопроса

ALEXEI GARADJA

PLATO AND SOPHRON: STAGING A QUESTION

ABSTRACT. Ancient testimonies allude to a special relationship that linked Plato to Sophron, a writer of mimes from Syracuse, contemporary with Socrates and Euripides. Plato admired Sophron's writings, has brought them to Athens from Syracuse, was engrossed in them to such extent that he couldn't part with them throughout day and night, was not only absorbed in reading but in some way imitated the Sicilian, namely in depicting characters (ἠθλοποιῆσαι πρὸς αὐτόν, D.L. 3.18). One might infer that even that which makes up the special appeal of Plato's philosophical style, the very form of dialogue, could have been borrowed from Sophron. Such an assumption has actually been made, both in *recentiores* like John Tzetzes (*H.* 10.806–810 et al.) and in a quite early testimony of Aristotle found in his fragmentary piece *Περὶ ποιητῶν*, supplemented by a papyrus (*P. Oxy.* 3219) and rebounding on the opening pages of the *Poetics* (1447b). Besides Sophron, Aristotle indicates among Plato's precursors a certain Alexamenus of Teos (Tenos) who supposedly wrote 'Socratic / dramatic dialogues / logoi' ahead of Plato. Before attempting to interpret such claims, one should not only parse the available material but also hone the tools for its processing, namely the questions that must be asked if one hopes to get any sensible answers. What did Aristotle intend by a 'dialogue'? What exactly were Sicilian mimes? Sophron's writings are extant only as scanty, largely unrevealing fragments. We have to grope our way on this quest, depending mostly on indirect and unreliable data.

KEYWORDS: Plato, Sophron, dialogue, mime.

По некоторым свидетельствам, изюминку своего философского стиля — саму форму диалога — Платон заимствовал из сочинений мимोगрафа Софрона из Сиракуз, которыми он восхищался и которые привез в Афины из своей поездки на Сицилию¹. Имея

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 9.2 (2018)

DOI: 10.25985/Pl.9.2.07

¹ «Анекдот 128» по классификации Ригинос — см. Riginos 1976: 174 sq.

дело с такой «глыбой», как Платон, часто невольно пренебрегают контекстом, в котором тот формировался и рос как автор. Другая крайность, характерная в первую очередь для древних комментаторов, — всюду подозревать «влияния», выстраивать всевозможные «преимущества». Где-то посередине — взвешенная позиция: Платон безусловно жил и работал не в чистом поле, а точно так же, как и мы сегодня, общался с коллегами, читал книги, причем не только «по специальности», но и «художественную литературу». Вот что о Софроне говорится в *Суде* (Σ 893):

Софрон: сиракузянин, сын Агафокла и Дамнасиллиды. Жил во времена Ксеркса [правил 486–465] и Еврипида [ок. 480 – ок. 406] и писал мимы мужские, мимы женские, на разговорном языке [т.е. прозой, *καταλογάδην*], дорическим диалектом. Платон философ, говорят, так увлекался ими, что часто даже засыпал за их чтением (*ἀεὶ αὐτοῖς ἐντυγχάνειν, ὡς καὶ καθεύδειν ἐπ' αὐτῶν ἔσθ' ὄτε*).

А вот сообщение Диогена Лаэртского (3.18):

Как кажется, Платон первым привез в Афины также и книги мимोगрафа Софрона и подражал ему в изображении характеров (*ἠθολοῖσαι πρὸς αὐτόν*); книги эти были найдены у него в изголовье (*εὐρεθῆναι ὑπὸ τῆ κεφαλῆ αὐτοῦ*)².

Олимпиодор добавляет *ἐν τῇ κλίνῃ αὐτοῦ* еще и книги Аристофана (*Vit. Pl.* 3). Конечно, этот штрих можно расценить и как мало что значащий штамп: сообщения о «книжках под подушками» у великих и известных — не редкость в древней комментаторской литературе³. Впрочем, даже скудные сведения из *Суды* внимательному читателю скажут больше, чем может показаться на первый

² В переводе М.Л. Гаспарова симптоматично пропущено слово *ἡμελημένα* ‘пренебрегаемые, позабытые’, характеризующее эти свитки.

³ Ср. *Новую историю* Птолемея Гефестииона (ар. Phot. *Bibl.* 190, 151: 6–14 Bekker): «После смерти Деметрия Скепсийского у него в изголовье нашли книгу Теллида, в изголовье у Тирониа Халкидского — *Ныряльщиков* Алкмеона, *Гибристов* Евполида — у Эфиальта, *Евнидов* Кратина — у Александра, царя Македонского, *Труды и дни* Гесиода — в изголовье у Селевка Никатора».

взгляд. Сразу обращают на себя внимание следующие моменты: писал прозой, на дорическом диалекте, сочинения делятся на мужские и женские. Хорикий уточняет (*Apol. Mim.* 32.2.16):

он [Платон] до того был восхищен (θαυμάσαι) этими творениями, что не только занимался (ὀμιλεῖν) ими по целым дням, но и ночью подкладывал книгу под свое ложе, чтобы, я так думаю, она у него была, если среди ночи ему вдруг придет в голову какая-нибудь мысль, для подтверждения которой нужен поэт. Итак Софрон, который нашел в Платоне своего почитателя, подражает и мужчинам и женщинам (Πλάτωνα λαχῶν ἐραστὴν μιμεῖται μὲν ἄνδρας μιμεῖται δὲ γυναῖκα). Лепечет у него и ребенок, еще не умея ни матери правильно назвать, ни к отцу обратиться⁴.

Многое связывает Софрона с его земляком и старшим современником Эпихармом (ок. 550–460), у которого Платон, по словам ритора Алкима (*fl.* ок. 300), тоже немало позаимствовал, в том числе даже учение об идеях, как Алким — впрочем, не слишком убедительно — пытается доказать (см. D.L. 3.9–17). Сам Платон пару раз упоминает Эпихарма по имени, называя его и Гомера «вершинами», соответственно, комедии и трагедии (*Tht.* 152e; второе упоминание — *Grg.* 505e). Софрона по имени он не называет ни разу, но, как кажется ряду исследователей, намекает на его разделение мужских и женских мимов в 5-й книге *Государства* (451c): τάχα δὲ οὕτως ἂν ὀρθῶς ἔχοι, μετὰ ἀνδρεῖον δρᾶμα παντελῶς διαπερανθὲν τὸ γυναικεῖον αὖ περαίνειν⁵. Это показательный пример того, на какие ухищрения приходится идти, за какие соломинки хвататься, чтобы сказать хоть что-то о месте Софрона в античной традиции по тем скудным фрагментам, которые до нас дошли⁶.

⁴ Пер. Л.А. Фрейберг.

⁵ Ср., напр., Clay 1994: 37. В русском переводе А.Н. Егунова пропадает δρᾶμα: «Пожалуй, вот что будет правильно: после того как полностью определена роль мужчин, надо определить и роль женщин».

⁶ Из ранних изданий можно упомянуть Ahrens 1843 и Botzon 1867, из последних — K-A (2001) и Hordern 2004. Среди исследований творчества Софрона по охвату и насыщенности выделяются Reich 1903 и McDonald 1931. На затруднительность оценки влияния мимов на диалоги указывает Blondell 2012: 14.

Любые связи, как отмеченные в источниках — большей частью анекдотические, — так и воображаемые или гипотетические, идут нарасхват в этой захватывающей «погоне за Софроном»⁷. Погоню же эту в первую очередь, конечно, подстегивает та «зажигательная сила, которой платоновские тексты издавна воздействовали на фантазию читателей», иных ввергая в «дионисийский угар излишеств (aller Übrigen)»⁸, заставляя вчитывать в них то, чего там на самом деле нет. Попробуем теперь обратиться к более древнему свидетельству, которое по крайней мере косвенно устанавливает связь между мимोगрафами и сократиками.

В самом начале *Поэтики* Аристотель упоминает Софрона вместе с его сыном Ксенархом, тоже мимोगрафом (1447a28–b13):

А то [искусство], которое пользуется только голыми словами или метрами, причем последними или в смешении друг с другом, или держась какого-нибудь одного, — оно до сих пор остается [без названия]. В самом деле, мы ведь не смогли бы дать общего имени ни мимам Софрона с Ксенархом и сократическим разговорам, ни если (οὐδὲ εἴ) бы кто совершал подражание посредством триметров, элегических или иных стихов...⁹

Важная деталь: οὐδὲ εἴ легко прочитывается и без предполагаемого эллипсиса («смогли бы дать общее имя») как «даже если», и тогда Аристотель имел здесь в виду не два «остающихся безымянными» подраздела миметического искусства, а хотел подчеркнуть, что две столь разные вещи, как мимы и сократические рассуждения, не получили бы общего названия, даже если

⁷ Так озаглавлена статья Д. Куцко (Kutzko 2012), который связывает мимы Софрона с куда лучше сохранившимися *Мимиямбами* Герода и фокусирует внимание именно на последних, как бы замечая предмет исследования.

⁸ Hirzel 1877: 11. Критика Р. Хирцеля направлена против работы П. Шустера о «Гераклите и Софроне в платоновских цитатах» на материале «Горгия», 492e–494b (Schuster 1874). Не обходит он вниманием Эпихарма и Софрона и в своем главном труде *Диалог* (Hirzel 1877: 22–26 et alibi).

⁹ Пер. М.Л. Гаспарова. Прежде лишь восстанавливаемое [ἄνωνυμος] подтверждается сиро-арабской (بَلَا تَسْمِيَتٍ) традицией в издании Tarán, Gutas 2012.

бы были изложены одним — каким угодно — метром¹⁰. Традиционное толкование представляется более логичным, а контраст между мимами и сократическими разговорами, возможно, бросается в глаза лишь современному читателю. По словам Афиней (11, 505c), Аристотель в книге *О поэтах* пишет так:

Мы не будем отрицать, ни того, что диалогами являются мимы Софрона, которые не были написаны стихами, ни того, что художественны сократические диалоги теосца Алексамена, который первым начал их писать¹¹.

Фраза предельно сжатая и потому неоднозначная; ни чтения, ни переводы ее, включая и приведенный выше, не могут обойтись без предвзятости. Вот как читается она Г. Кайбелем (1899: 152):

οὐκοῦν οὐδὲ ἐμμέτρους ᾄοντας τοὺς καλουμένους Σώφρονος μίμους μὴ φῶμεν εἶναι λόγους καὶ μιμήσεις μὴ <ἢ cod> τοὺς Ἀλεξαμενοῦ τοῦ Τηίου τοὺς πρότερον <πρώτους cod> γραφέντας τῶν Σωκρατικῶν διαλόγους <διαλόγων cod>.

Исправление πρώτους на πρότερον (а также διαλόγων на διάλογους), принимаемое и в современных изданиях (SSR, K-A), объяснима нежеланием признавать за безвестным Алексаменом заслугу первооткрывателя сократических диалогов: с поправкой (как будто подкрепляемой ссылкой на D.L. 3.48) получается, что первым Алексамен начал писать не сократические, а просто диалоги. Заметно также желание «скрестить» в переводе термины аристотелевской формулировки, спровоцированное неудобным ἢ после двойного предиката λόγους καὶ μιμήσεις¹². Вот какой вариант перевода хотелось бы предложить:

¹⁰ Именно так понимает это место Таран, см. Tarán, Gutas 2012: 227 et al.

¹¹ Пер. Н.Т. Голинкевича. В поздней *Vita Latina* 4 это сочинение явно определяется как «диалог»: dialogus de poetis et de poetica tractatus et de rethorica.

¹² Особняком здесь стоит перевод Д. Клэя (Clay 1994: 34), принимающего вдобавок старую (O. Jahn) эмендацию вступительного οὐκοῦν на οὐκοῦν: «Should we not then deny that so-called *Mimes* of Sophron, which are not even in meter, are conversations and that the imitations of Alexamenus of Teos, which are the first Socratic conversations that have been written down, are conversations?» Ср. также подробный разбор этого места в Else 1967: 41–42.

Да ладно, разве не скажем мы, что так называемые мимы Софрона, хотя бы и не метром сложенные, являются разговорами и изображениями, или сократические диалоги Алексамена из Теноса, первые из написанных?

Очевидно, здесь, как и *Поэтике*, Аристотель решает вопрос о включении в сферу миметического искусства неметрических логико-миметических смесей, представленных в данном случае мимами Софрона и сократическими диалогами Алексамена.

Но встает вопрос, что же такое «диалог» и «сократические разговоры» в этом контексте. В *Оксиринхском папирусе* 3219 обнаруживается переключка с аристотелевской цитатой Афиней; впрочем, новое свидетельство скорее добавляет вопросов, чем помогает уточнить старое. Привожу текст и перевод фрагмента по замечательной публикации М. Хаслама (Haslam 1972: 18):

ἐν] τοῦ[τῶ καὶ Σ]ῶφρον[α] μειμησάμε-/νος τὸν μιμογράφον κα(τὰ) τὸ δράμα-/τικὸν τῶν διαλόγων· οὐ γὰρ πεισ-/τέον Ἀριστοτέλει ὑπὸ τῆς πρὸς Πλά-/τωνα βασκανίας ε[ι]ποντι ἐν τῷ / πρώτῳ περὶ Ποιητικῆς καὶ πρὸ / Πλάτωνος γεγράφθαι δραματικούς / διαλό]γ[ους] ὑπ' [Α]λεξάμενου Τηνίου.

...подражая между тем мимографу Софрону и в плане драматического элемента диалогов: ведь не следует верить Аристотелю, который по своей зависти к Платону говорит в первой книге *Поэтики* (vult *О поэтах*), что драматические диалоги писались и до Платона — Алексаменом из Теноса.

В довершение к «диалогу» мы получаем еще и «драматический элемент» в качестве заимствования, которым Платон будто бы обязан Софрону. Впрочем, как убежден Хаслам, автор папируса (датируемого последней четвертью 2 века н.э.) понимал под τὸ δραματικόν примерно то же, что другие авторы называли в этой связи «выведением характеров» (ἠθολοίησαι, D.L. 3.18) или «изображением персонажей» (μίμησις προσώπων, *Vit. Pl.* 3). В конечном счете и в «политических стихах» — так назывался византийский поэтический размер — Цеца находим то же самое. Приведем для

иллюстрации фрагмент *Хилиад*, вобравший в себя и другие расхожие анекдотические известия о Платоне (Н. 10.995–11.10):

У капитана Полида, рождением спартиата,
За деньги приобрел Архит философа Платона.
Философом и сам он был пифагорейской школы:
Пифагорейской обучил раба хозяин новый
Премудрости. Известно же, что книгу Филолая
Философа Платон имел в своем распоряженье,
И книжки мимов Софрона из Сиракуз в придачу —
Дион когда-то для него купил все эти свитки:
За Филолая сотню мин он отвалил, не меньше,
А сколько Софрон потянул — не знаю, сам там не был.
Из Филолая всё украл Платон, что говорилось
Там о душе и множестве других вещей несчетном,
Вот и *Тимея* написал, другие диалоги.
А мимам в подражание — сами те диалоги,
Ведь Софрон так своё писал — вопросы и ответы
Сплетая в сочинении двойною чередою.
(Ἐκ μίμων δὲ τοῦ Σώφρονος μμεῖται διαλόγους·
Ὁ Σώφρων ὅσα γράφει γάρ εἰσὶ τῶν ἀμοιβαίων,
Ἐρώτησιν, ἀλόκρισιν, σύμπαντα κεκτημένα.)

А чуть выше Иоанн Цец указывает свой источник (Н. 10.806–810):

Дион и Софрона купил в придачу книжку мимов,
Который мужем мудрым был, сиракузянин родом,
Платону подарил: хотел тот этот свиток тоже.
Оттуда, в подражание, и форма диалогов —
Так пишет Тимон, кажется, флиунтец, в своих *Силлах*.
(Ἀφ' οὗλερ ἐμμήσατο γράφειν τοὺς διαλόγους,
Ὡς ἐν τοῖς Σίλλοις φαίνεται ὁ Τίμων διαγράφων.)

Интересно, что и Афиней чуть ниже цитаты из аристотелевского *О поэтах* (11, 505e) вспоминает строку из тех же *Памфлетов* (Σίλλοι) скептика и мизантропа Тимона из Флиунта (ок. 320–235):

ὡς ἀνέπλασσε Πλάτων ὁ πεπλασμένα θαύματα εἰδώς.

Много наплел Платон небылиц, умело сплетенных¹³.

Как видим, под «диалогом» в *Хилиадах*, как и в более древних источниках, прежде всего понимается литературная форма, использующая вопросы и ответы. Разработка *dramatis personae* добавляет изобразительно-миметический элемент, который автор *P. Оху.* 3219 называет τὸ δραματικόν, при этом отвергая мнение Аристотеля, будто Алексамен писал драматические диалоги до Платона. Что же такого было — или чего не было — в работах Алексамена, что могло помешать признать их «драматическими диалогами»? Вот сводка возможных ответов¹⁴: 1. Алексамен выводил в диалоге самого себя как персонажа, как делал в своих диалогах и сам Аристотель; 2. Алексамен писал «повествовательные» (διηγηματικοί) диалоги, по классификации самого Платона противостоящие «миметическим», т.е. драматическим (ср. *R.* 3, 392d–394d); 3. наконец, его ἠθολογία была ущербной — у него не получалось того реалистического изображения характеров, которое автор папируса признавал за Софроном и, очевидно, Платоном.

Не счесть исследований, посвященных изучению особенностей платоновского стиля. Все они, как правило, исходят из литературоведческих категорий и систем, как современных, так и — в лучшем случае — древних. Проблема в том, что Платон играл одновременно на двух сценах — писательской и философской. В этом его уникальность, его «изюминка» — то самое, что с таким трудом, так путано и противоречиво много раз пытались сформулировать и древние, и современные авторы. Возможно, здесь требуется несколько иной подход: необходимо всерьез признать Платона философом и писателем и попытаться понять и проследить, каким образом он мог не просто излагать, а *исполнять* свою

¹³ Пер. Н.Т. Голинкевича. О неоднозначности платоновских θαύματα (не столько 'небылицы', как 'чудеса', и не только 'чудеса', но и 'куклы-марионетки', как в символе пещеры) ср. мою заметку Garadjja 2019 (в печати).

¹⁴ См. Nüsser 1991: 19–21, а также Charalabopoulos 2012: 31.

философию. Безусловно, такой *перформативный*¹⁵ подход многое должен унаследовать от драматического, по сути являясь лишь некоторым его продолжением и уточнением.

Литература

- K-A = *Poetae comici Graeci*, ediderunt R. Kassel et C. Austin. Vol. 1: *Comoedia Dorica. Mimi. Phlyaces*. Berolini et Novi Eboraci, 2001.
- SSR = *Socratis et Socraticorum reliquiae*, collegit, disposuit, apparatus notisque instruxit Gabriele Giannantoni. 4 voll. Napoli: Bibliopolis, 1990.
- Ahrens, H.L. (1843), *De Graecae linguae dialectis. Liber secundus: de dialecto Dorica*. Gottingae: apud Vandenhoeck et Ruprecht.
- Blondell, Ruby (2002), *The Play of Character in Plato's Dialogues*. Cambridge University Press.
- Botzon, L. (1867), *Sophroneorum Mimorum reliquias*, conquisivit disposuit explanavit L. Botzon. Marioburgi: in libraria B. Herrmann Hemmpel viduae.
- Charalabopoulos, Nikos G. (2012), *Platonic Drama and Its Ancient Reception*. Cambridge University Press.
- Clay, Diskin (1994), "The Origins of Socratic Dialogue", in P.A. Vander Waerdt (ed.), *The Socratic Movement*, 23–47. Ithaca: Cornell University Press.
- Else, Gerald F. (1967), *Aristotle's Poetics: The Argument*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Garadja, Alexei V. (2019), "Praestigiae Platonis: The Cavernous Puppetshow", ΣΧΟΛΗ 13.1 (forthcoming).
- Haslam, Michael W. (1976), "Plato, Sophron, and the Dramatic Dialogue", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 19: 17–38.
- Hirzel, Rudolf (1877), "Pythagoreisches in Platons Gorgias", in *Commentationes philologicae in honorem Theodori Mommseni scripserunt amici*, 11–22. Berolini: apud Weidmannos.
- Hirzel, Rudolf (1895), *Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch*. 2 Bde. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Hordern, James H. (2004), *Sophron's Mimes: Text, Translation, and Commentary*. Oxford University Press.

¹⁵ В понимании Дж. Л. Остина и Дж. Серля, с учетом «корректировок», которые предлагали, например, Ж. Деррида и Ж.-Ф. Лиотар.

- Kaibel, Georg, ed. (1899), *Comicorum Graecorum fragmenta*, edidit Georgius Kaibel. Berolini: apud Weidmannos.
- Kutzko, David. (2012), "In Pursuit of Sophron: Doric Mime and Attic Comedy in Herodas' *Mimiambi*", in K. Bosher (ed.), *Theater Outside Athens: Drama in Greek Sicily and South Italy*, 367–390. Cambridge University Press.
- McDonald, John M.S. (1931), *Character-Portraiture in Epicharmus, Sophron, and Plato*. Columbia Univ. Diss. Sewanee, Tennessee: The University Press.
- Nüsser, Olaf (1991), *Albins Prolog und die Dialogtheorie des Platonismus*. Stuttgart: B.G. Teubner.
- Reich, H. (1903), *Der Mimus. Ein litterar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch*. Bd. 1. T. 1: *Theorie des Mimus*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Riginos, Alice Swift (1976), *Platonica: The Anecdotes Concerning the Life and Writings of Plato*. Leiden: E.J. Brill.
- Schuster, Paul (1874), "Heraklit und Sophron in Platonischen Citaten (Eine Erklärung von Gorgias p. 492e–494b)", *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge* 29: 590–632.
- Tarán, L.; Gutas, D., eds. (2012), *Aristotle. Poetics*, Editio Maior of the Greek Text with Historical Introductions and Philological Commentaries by Leonardo Tarán and Dimitri Gutas. Leiden; Boston: Brill.